

© М.Ю. Немцев, О.И. Генисаретский

Философская антропология и «родовое начало» как традиция. Два интервью О.И. Генисаретского

Ключевые слова: «Методологическое движение», философия в СССР, народ, советская философия, традиция, феноменология родовых связей

Совместная публикация двух интервью советского и российского философа и культуролога Олега Игоревича Генисаретского (1942–2022) позволяет соотнести особенности его интеллектуальной биографии и его философскую позицию. В первом интервью Генисаретский предлагает рассматривать «бытование» философии в позднесоветском обществе как особый феномен вне оппозиции «официального» и «неофициального». В его второй части особенно важно его собственное объяснение предпосылок его философского традиционализма. Второе интервью посвящено философской антропологии Генисаретского, созданной в оппозицию идеологически обусловленному пренебрежению к повседневной человеческой жизни в советском индустриальном обществе. Эта философская антропология создана под влиянием христианской антропологии, особенно П. Флоренского. Генисаретский обосновывает применение феноменологического метода для наблюдения и рефлексии «родового», понятого как категория самосознания, с дальнейшим переходом к самосознанию как субъекту традиции.

Предисловие к публикации

Олег Игоревич Генисаретский (1942–2022) был одним из ключевых участников антропологических дискуссий в постсоветской России. Он был заместителем директора Института Человека АН, после его закрытия в 2015 г. вместе с известным философом С.С. Хоружим создал институт Синергичной антропологии в Университете «Высшая школа экономики». Генисаретский также выступил в роли одного из инициаторов развития визуальной антропологии в России (был Президентом Российской ассоциации визуальной антропологии с 1998 г.). В течение многих лет, практически до последнего года жизни, он был вдохновителем и консультантом разнообразных исследовательских, философских, музейных (он был президентом Ассоциации «Открытый музей» с 2001 г.) проектов, связанных с антропологической тематикой. Доктор искусствоведения.

Немцев Михаил Юрьевич – старший научный сотрудник Тюменского государственного университета. nemtsev.m@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-7854-7450>.

Для цитирования: Немцев М. Ю., Философская антропология и «родовое начало» как традиция. Два интервью О.И. Генисаретского // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 1. С 92-121. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/92-121>.

Ниже публикуются два его интервью¹. Первое представляет собой, по сути, краткий биографический обзор, который предварен обобщенным рассуждением О.И. Генисаретского о философии в СССР как контексте для понимания его собственной интеллектуальной биографии. Второе посвящено феноменологии семейных отношений и концепту «рода», которые играли принципиальную роль в философской антропологии О.И. Генисаретского, сформировавшейся под влиянием работ П.А. Флоренского и Е.Л. Шифферса в 1970-е годы. Их перепубликация призвана дополнить панораму антропологически ориентированных поисков и дискуссий в позднесоветский и ранний постсоветский период, показывая, как они формировали индивидуальную интеллектуальную траекторию московского интеллектуала 1960–1980-х годов

В первом интервью О.И. Генисаретский предлагает вариант реконструкции собственной биографии как пути философской социализации. Его траектория профессиональной социализации нетипична, поскольку связывает несколько философских сообществ, далеко отстоящих друг от друга в коммуникативной и институциональной среде философии как позднесоветской дисциплины². О.И. Генисаретский окончил технический вуз (МИФИ), куда поступил, как он сам объясняет это в публикуемом интервью, на волне общественного интереса к кибернетике, системному подходу и т.п. Это позволило ему не только «войти» в формировавшееся усилиями Г.П. Щедровицкого в 1960-е годы «методологическое движение» (в 1960-е годы идентифицировавшее себя как «системно-структурный подход»), но и быстро выдвинуться в ряды его интеллектуальных лидеров. Особая «методологическая рациональность» определяет узнаваемый стиль и проблематику его философских и философско-антропологических работ.

В тот же период, числясь в аспирантуре Института мирового рабочего движения, О.И. Генисаретский подготовил диссертацию «Опыт системного исследования социологического понятия культуры». Опыт участия в семинарах «методологического» и «системного» движений и изучение диалектической философии Гегеля позволили ему к 1976 г. подготовить диссертацию «Категориальный аппарат системного подхода», но ни первая, ни вторая не были защищены.

Статья и доклады О.И. Генисаретского 1960–1970-х годов находятся в рамках генерального тренда отхода от узкой сциентистской рациональности «ортодоксальной» советской философии в сторону анализа социально-культурных проблем и обращения к индивидуальному мышлению (Анналы 2012). В частности, к анализу рефлексии как индивидуальной способности (обращение к «социологии культуры») позволяло в тот период тематизировать «проблему человека»). В целом придерживаясь влиятельного «системного

¹ Первое интервью был сделано М.Ю. Немцевым в 2004 г. для сайта Агентства гуманитарных технологий «ДеПо» www.depo.nm.ru, который не существует с 2005 г. Благодаря А. А. Попова за помощь в его организации. Второе интервью сделано для тематического выпуска журнала «60 параллель» в 2010 г. и было вскоре опубликовано в этом журнале (Немцев, Генисаретский 2010: 16–26). Публикуется с сокращениями. Для этой публикации оба текста сверены М.Ю. Немцевым с исходными транскриптами в его личном архиве, и прокомментированы.

² См. краткую автобиографию О.И. Генисаретского на сайте Научного фонда им. Г.П. Щедровицкого <https://www.fondgp.ru/old/mmk/personalia/1960/4.html>, а также: *Генисаретский, Зильберман* 2001.

подхода», Генисаретский особое внимание обращает на культурные аспекты самореализации субъекта в деятельности. В работе 1979 г. он писал о «средовом поведении как проблеме экологической эстетики» (*Генисаретский* 1979), в 1980-е годы, вслед за Д.С. Лихачевым развивал понятие «экология и культуры» (*Экология* 1992), а в тексте интервью он говорит о «средовом опосредовании».

С 1964 г. он работает в коллективе ВНИИТЭ, занятом теорией технической эстетики, которая во многом основывалась на гуманитарной критике массовых технологий. Отсюда его внимание к идеологии модернистского планового градостроительства (во втором интервью) — и ее принципиальное отвержение как феномена сверхрационального, отчужденного отношения к человеческим качествам. Антропологию Генисаретский уже к середине 1970-х понимает как «практико-методологическую дисциплину» (*Анналы* 2012: 473). При этом одним из названий, которое он использовал для обозначения своего подхода, было «культурно-антропологическая перспектива» (*Генисаретский* 1995).

Преодоление «принуждения к городскому образу жизни» (если его понимать в широком смысле как метафорическое обозначение реализованных в СССР модернистских антропологических представлений) требует конструирования альтернативного образа человека. Генисаретский и его коллеги по ВНИИТЭ не имели возможности влиять на реальное принятие решений в градостроительстве. Однако они могли провести теоретическое исследование процессов проектирования. Явным лидером таких исследований для него и его окружения был философ Г.П. Щедровицкий. Вместе с ним Генисаретский решал проблемы проектирования. В частности, искал возможности преодоления этих ограниченных антропологических представлений так, чтобы в основу социально-культурного проектирования могла бы быть положена «культурно-антропологическая перспектива». В тот период у него сформировался «методологический» этос исследователя как потенциального проектировщика (*Лавлинский* 2008: 34–38). «Проектность» и история проектной культуры в России стали предметом последней монографии Генисаретского (2016).

В этот же период 1960-х-1980-х годов происходило религиозное самоопределение и самообразование О.И. Генисаретского. В этом интервью он указывает на «круг» о. Александра Меня, популярного в те годы в Москве религиозного лидера. Другим таким «топосом» было для него общение с Е.Л. Шифферсом, автономным религиозным философом и богословом³.

Шифферс, по профессии театральный режиссер, пережил в 1967–1968 годы религиозные откровения, после которых посвятил себя созданию оригинальной теологической антропологии (см. также: *Немцев* 2023 в этом выпуске журнала). Для Генисаретского, как и для ряда ведущих позднесоветских и постсоветских московских интеллектуалов, общение с Шифферсом стало возможностью обсуждения православной религиозности как фундаментального фактора сознания, не жестко связанного с наличными религиозными институтами. С 1970-х годов Генисаретский сближается и с официальной

³ В последние годы Генисаретского фотография Е. Шифферса стояла на одной из его книжных полок.

церковью, очевидно, в контексте общего движения столичной интеллигенции к православию⁴. Субъективный смысл этого движения он описывает как «возвращение к себе» (воспоминание себя), то есть формирование «более аутентичной» идентичности.

Опираясь на собственную антропологически-ориентированную интерпретацию православной традиции, он исследовал возможности преодоления репрессивных результатов этого «принуждения к городскому образу жизни» (т.е. постсоветского состояния). При этом он часто ссылаясь на личный религиозный (церковный) опыт как субъективно-значимый, как источник продуктивных метафор, но избегал опираться на него как материал рационального теоретизирования. По-видимому, эта ориентация на проработку религиозного опыта одной из основ его многолетнего сотрудничества с создателем «синергичной антропологии» С.С. Хоружим. Надо отметить, что Генисаретский при этом не заимствовал его дискурс и концептуальный язык.

Символической фигурой соединения методологически ориентированной философии с православной теологией был для него Павел Флоренский. Во втором интервью Генисаретский излагает авторскую философскую антропологию «родового», восходящую к поздним работам Флоренского. Е.Л. Шифферс в 1970-е годы уделял особое внимание проблемам понимания родовой истории (Шифферс 2011). В этом он мог опереться на П. Флоренского, которого активно обсуждали Шифферс и его ученики. Рассуждение о семейном и родовом в этом интервью почти дословно воспроизводит рассуждение П. Флоренского в заметках 1924 г., опубликованных в составе работы «Исследования по теории искусства» (Флоренский 2000: 207–210)⁵. Буквально этот же фрагмент Е. Шифферс обширно цитирует в своей работе 1984 г. «Акума: Россия» (Шифферс 2005: 200–201). Таким образом просматривается линия позднесоветской рецепции этого аспекта философской антропологии Флоренского, которую Генисаретский назвал «гуманитарной генеалогией» (Генисаретский 2009). Она повлияла на практическую деятельность Генисаретского как идеолога и организатора культурных и исследовательских проектов в 1990–2010-е годы в разных регионах России. Свою цель он формулировал так: «Наше методологическое намерение состоит в реструктурировании поколенческой политики на основе социально-гендерного моделирования генеалогической схемы возрастных состояний» (Там же).

О.И. Генисаретский полемизирует, с одной стороны, с узко понимаемым традиционализмом. Он настаивает на необходимости понимания «родового» как структуры индивидуального опыта, раскрываемого феноменологической дескрипцией, — начиная «с реабилитации естественной установки» и далее посредством феноменологического анализа внерациональных «данностей» этой структуры. Такое понимание «родового» может лечь (по мысли Генисаретского, и должно было лечь) в основу современных гуманитарных технологий, нацеленных на «восстановление» полноты самосознания и тем самым формирование условий развития современного гуманистически ориентированного общества. Это «проективный» традиционализм, обогащенный

⁴ Это процесс пародийно писан в известном романе Владимира Кормера «Наследство» (см. также: Smolkin 2018; Митрохин 2020).

⁵ Комментарии к этой работе и предисловие ко всему тому написал О. И. Генисаретский.

созданными «методологическим движением» представлениями о проектном мышлении и критикой современной эстетики (Генисаретский 2015).

Феноменология «родового» становится у Генисаретского методом реконструкции оснований субъективности. Соответственно, «этничность», на его взгляд, должна была быть выведена за пределы политики. «Вопрос в том, будет ли у этничности свое собственное будущее лицо, [и его] можно пере- задать так: есть ли оно за пределами политического самоопределения, рядом и во взаимодействии с ним?» (Генисаретский 2008). Генисаретский явно принципиально расходился со своим наставником Е.Л. Шифферсом, кото- рый в 1980-е годы сформировал свой проект мистической «консервативной революции» для России (Фаликов 2018).

Итак, краткий очерк интеллектуальной биографии Генисаретского позво- ляет увидеть пересечение нескольких интеллектуальных линий и, соответ- ственно, нескольких интеллектуальных сообществ. Это:

(1) *деятельностная философия*: он действовал в дисциплинарном про- странстве советской сциентистской философии деятельности — от кибер- нетиков к семиотикам и «системному подходу» (к нему относится и ранее «методологическое движение»);

(2) *эстетика как гуманитарное проектирование*: в силу исторических об- стоятельств, в СССР в 1960-е годы возник институт, в задачи которого входило объединение философии деятельности, социологии культуры и эстетики для разработки «советских» методик и образцов дизайна — Всесоюзный институт технической эстетики (ВНИИТЭ), и Генисаретский «присвоил» и продолжил эту объединительную перспективу;

(3) *«методологизация» православной догматики и антропологии* — пра- вославная ортодоксия была им исходно прочитана как антропологическая традиция. Позиционируя себя как представителя христианской православной традиции, он указывает на ограничения развитого в позднесоветской фило- софии и воспринятого из нее другими гуманитарными дисциплинами пред- ставления о деятельности и ее субъективных основаниях.

I

Бытование философии в СССР и советская философская «судьба»

Олег Генисаретский: Ну, и так, с чего начнем?

Михаил Немцев: До сих пор нет системного представления о философии в СССР. Нет ее систематического изложения, не подведены итоги.

О.Г.: ...Прежде чем делать обобщения, систематизировать, должен быть введен в контурный оборот исторический материал. Очевидный предвари- тельный вопрос, если угодно, социологический, это вопрос об истории спосо- бов бытования мысли вообще и философской мысли в частности в условиях Советской России. Может оказаться, что говорить о традициях и даже вообще

о философии не приходится. А приходится говорить о чем-то другом. Например, «о русской мысли», а не о философии. Речь идет именно о способах бытования, поскольку не было площадки, места, где это репрезентировалось бы.

М.Н.: Но существовало же большое количество семинаров... Неофициальных, без определенной институционализации, когда он происходит, например, у кого-то в гостях. «Официальным» семинар можно считать, когда есть внешняя необходимость периодически собираться определенному кругу людей.

О.Г.: Ну, а учет в спецслужбе делает семинар «официальным» предприятием или нет? А семинар, поощряемый, но не находящийся при кафедре или институте? Дальше. Философский семинар в институте философии — это одно; семинар, который ты ведешь, находясь в институте социологии — это немного другое. Ну, предположим, философский семинар — это такой, где обсуждается и как-то рефлексивно проясняется методология. В этом смысле, методологические семинары в системе Академии наук, которые проходили во всех институтах, сюда подпадают. Таким образом, официальные — это, например, культивировавшийся Иваном Тимофеевичем Фроловым семинар, который проходил в Институте биологии, но был методологическим. И системное движение развивалось по этой линии. Но это не «философия» в смысле кафедр философии. Поэтому там могла развиваться неортодоксальная точка зрения. Так, Лаборатория системного подхода в почтовом ящике 701, где я работал под руководством Садовского⁶ — это официальная вещь? У нас у всех была первая форма секретности. Но это — не философский факультет, не Академия наук. Поэтому способы бытования социологически крайне запутаны, но и интересны. Особая история, что в ряде ведомств, в частности в атомном, в закрытых ведомствах, внутри культивировался довольно высокий уровень интеллектуальной свободы. Такова сама обстановка в этом вузе, обстановка свободы говорения. И только потом, оказавшись «на воле», понимаешь, что об этом «чем-то», оказывается, говорить нельзя. Тебе начинают объяснять, что надо, мол, поосторожнее... Итак, на что надо прежде всего обратить внимание. Во-первых, бытование. Затем — эффективность, введенность в оборот результатов. Способы институционализации, причем не просто институционализации, а именно — презентирования. 99% российских философов — атеисты. Поэтому у них заведомо не востребовано все, что развивалось в рамках религиозной мысли. И у кого больше эффективность?.. Так что особой темой является выяснение того, как именно «нечто» становится известно. Ведь далеко не все, кстати, до сих пор к этому стремятся. Для этого нужно желание влиять...

М.Н.: И в связи с этим как раз первый вопрос: Олег Игоревич, как бы вы рассказали, что происходило в Москве в философском сообществе в конце 1960-х годов?

О.Г.: Я никогда не принадлежал ни к какому философскому сообществу. Я закончил инженерно-физический институт, затем стал прихожанином семи-

⁶ Садовский Вадим Николаевич (1934–2012) — российский философ. Занимался системным анализом. С 1969 г. член редколлегии, позже — зам. главного редактора ежегодника «Системные исследования. Методологические проблемы». Работал в журнале «Вопросы философии».

нара Г.П. Щедровицкого⁷... ну, и так далее. Давайте немножко пошире на это дело смотреть. Действительно, кругом народу много. И они частично пересекаются. Многие вместе учились, работали, были знакомы по разным каналам... Есть такое ощущение плотности, это вполне естественно. Но, скажем, есть круг о. Александра Меня. Скажем, Пиама Павловна Гайденко⁸ с Давыдовым там бывали, безусловно, Сергей Сергеевич Хоружий⁹... Оттуда вы даже этого сейчас не опознаете, поскольку, идя по этой линии, вы придете в другие места. Это один круг. Вообще-то они не вполне пересекаются. Этот концепт «официальный-неофициальный» тут не очень-то работает. Вот, например, отдел в Праге, журнал «Проблемы мира и социализма»¹⁰. Это была работа нашей партии с международным рабочим и коммунистическим движением. С еврокоммунистами. Чтоб с еврокоммунистами общаться, нужен был Мераб Мамардашвили, который говорит по-французски, по-английски, знает тематику, и вообще может их всех обаять, так сказать, в доску. И после этого мы будем говорить, что это — неофициальная, боковая ветвь? Никак. Он был государственный человек. Действительно, пространство это многомерное, живое. И лучше без этих штампов — «официальная и неофициальная». Лившиц и Ильенков играли на этом поле, переигрывая, на грани, но не уходили во внутренние академические диссиденты. Я иногда использую такую метафору: «бежать на шаг впереди паровоза», доказывая свою нужность. У Левады так было с социологией. А через три года появляется социология партийной и идеологической работы. Социологию переосваивает советская власть. Сначала идет авангард, потом подтягиваются регулярные войска, и это все бежит дальше — в семиотику, потом еще куда-то.

М.Н.: При этом некоторые вообще не интересовались официальной линией. Например, Евгений Львович Шифферс¹¹.

⁷ *Щедровицкий Георгий Петрович* (1929–1994) — советский философ, создатель и лидер «методологического движения». Важнейшая фигура в истории философии в СССР.

⁸ *Гайденко Пиама Павловна* (1934–2021) — российский философ, занималась историей рациональности Нового времени, в том числе проблемами отношения научной рациональности и теологии. Ее книга «Трагедия эстетизма: опыт характеристики мирозерцания С. Киркегора» (1970) — фактически один из первых созданных в СССР антропологических интерпретаций религиозного опыта. Муж — *Давыдов Юрий Николаевич* (1929–2007) — теоретический социолог и один из первых в СССР историк социологии.

⁹ *Хоружий Сергей Сергеевич* (1941–2020) — российский философ. Доктор физико-математических наук, создатель оригинальной интерпретации византийской религиозной антропологии, которая была им названа «синергийной антропологией». Тесно сотрудничал с О.И. Генисаретским. Директор Института синергийной антропологии в составе «Высшей школы экономики» в Москве (с 2005 г.). Автор известных художественных переводов.

¹⁰ Ежемесячный журнал «Проблемы мира и социализма» был теоретическим и информационным органом международного рабочего движения (управляемого ЦК КПСС). Издавался в 1958–1990 годы на множестве языков. Редакция располагалась в Праге (Чехословакия). В ней в режиме длительных командировок работали журналисты, редакторы, аналитики из СССР, среди них философ М.К. Мамардашвили. Для многих из них работа в редакции этого журнала стала незаменимым опытом «европейской жизни». В годы Перестройки некоторые бывшие сотрудники этого журнала стали заметными общественными деятелями на позициях либерального гуманизма (например, Ю. Карякин).

¹¹ *Шифферс Евгений Львович* (1934–1997) — режиссер театра, мистик, религиозный писатель. Окончил Ленинградский институт театра, музыки и кино. После нескольких театральных работ ему было негласно запрещена режиссерская работа в театрах Ленинграда. Вернувшись в Москву, пережил религиозные открытия, и в последующие годы создал оригинальную религиозную философию и эстетику.

О.Г.: Поэтому они не были ни в какой философии. Потом, что значит — «Шифферс не интересовался?» Он не был там. И не хотел быть. И много таких было. Итак, на что надо прежде всего обратить внимание. Давайте лучше обсуждать условия бытования.

М.Н.: Хорошо, вот есть уже описанная линия Георгия Петровича Щедровицкого...

О.Г.: Георгий Петрович вырос в революционной семье. У него в предках были профессиональные революционеры. Для него, он где-то это упоминал, собиране стенограмм пленумов и съездов было таким интересным занятием... Это было нужно делать, чтобы выяснить: а как там партийная мысль развивалась? И вообще, прототип методологического семинара — это партийные дискуссии. У него был такое семейно-родовое обстоятельство¹² — интенсивная включенность в партийно-организационные формы жизни. У Мамардашвили, например, этого уже не было.

Итак, поставь проблему: *различные формы институционализации мысли вообще и философской мысли в частности*. Литературоведчески это называется «способы бытования». И это действительно существенный контекст, вне которого многое понять невозможно. И тут сформулируются какие-то версии... Есть траектории движения отдельных лиц и групп в среде социального бытования, перетекание: сегодня был на одном семинаре, завтра на другом...

М.Н.: И при этом можно выделять места, куда ходят чаще. Это описано историками философии: время от времени в разных местах планеты, в разных странах возникает ситуация, когда, грубо говоря, есть много мест, между которыми люди начинают «бродить». Скажем, таким было «феноменологическое движение» в Германии. Есть отдельные семинары, которые выстраиваются вокруг личности, ведущего, и люди перемещаются между ними. Каким-то естественным образом возникают группы единомышленников, они наносят друг другу визиты, и затем то, что они пишут, отличается от того, что пишут в других группах.

О.Г.: Хорошо, один из хороших концептов: «движение». И ты про что спрашиваешь меня?

М.Н.: Про центры.

О.Г.: Тогда я могу сказать только, какие центры частично пересекала моя линия. Я не являюсь историком, да? В некоторых случаях — очевидно. Но это еще не линии философской или какой-то другой работы. Есть моя индивидуальная культурная, профессиональная траектория, линия моей судьбы. Так получалось, что я лично — «там». «Там» и «там». Между Обществом по охране памятников¹³ и Центральной экспериментальной студией

¹² Тема «семейно-родовых обстоятельств» как фактора развития самосознания и мышления получит специальное развитие во втором интервью.

¹³ Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) — создано в РСФСР в 1965 г. Было одной из самых массовых общественных организаций в СССР. Особое внимание уделялось сохранению памятников «духовной культуры» (религиозных сооружений) и военной истории. Вероятно, О.И. Генисаретский имел непосредственное отношение

при Союзе советских художников. Это некая моя личная траектория. И ее «метафизировать» совсем не обязательно. Меня иногда спрашивают: ты — методолог¹⁴? Я говорю: я не методолог по интерпретации, это — моя судьба. Я оказался в этом сообществе, ушел из него, вернулся и снова ушел. Так что вот это моя судьба. Я к этому отношусь как к факту моей биографии, не пре-вращая ее в образец какой-то линии.

М.Н.: Но при этом ведь были места, которые вы не пересекали, но которые тоже заслуживают упоминания.

О.Г.: Наверно (*с иронией*), только я про них ничего не знаю. У меня есть один такой принцип: я с великими людьми стараюсь не общаться. В том смысле, что не стремлюсь к пересечению всех этих мест. Не испытываю любопытства. Сначала я знакомлюсь с содержанием мысли — книга, слово, впечатление, взгляд... не важно, должно произойти событие, которое интеллектуально, духовно и человечески значимо. Тогда, может быть, так получится, что имеет смысл подступить и ближе.

Ну, последовательно. Во-первых, это круг лиц или авторов текстов, которые проходили под рубрикой «философские вопросы кибернетики», поскольку я был на кафедре теоретической кибернетики. Борис Бирюков¹⁵, соответственно, Колмогоров¹⁶, которые бились на фронте, который назывался «Кибернетика на службе коммунизма»¹⁷. Так назывался сборник, который тогда издавался. Чуть позже — семиотический круг. Но первый — кибернетики.

М.Н.: Семиотический круг¹⁸ в это время только-только формируется?

О.Г.: Это 1962 год, уже прошло его первое большое совещание, так что структурная лингвистика началась раньше. А ее семиотическое оформление — 1962 г., Первый Московский Симпозиум, первый сборник тезисов, на который потом все реагируют (Симпозиум 1962). А потом начинаются школы в Кяэрику¹⁹. Я туда попадаю первый раз в 1968 г. Но сначала — кибернети-

к ВООПиК, когда в конце 1970-х годов работал в строительных бригадах, занятых восстановлением сельских деревянных церквей (о чем он сам рассказывал в моноспектакле «Человек. doc. Олег Генисаретский»).

¹⁴ Подразумевается принадлежность к «методологическому сообществу», бесспорным лидером которого был Г.П. Щедровицкий.

¹⁵ Бирюков Борис Владимирович (1922–2014) — советский математик, историк и философ математики. С 1960 г. преподаватель МГУ. С 1962 г. работал в Секции методологических вопросов кибернетики в Научном совете по кибернетике АН СССР. Был учеником акад. А. Берга. Работы по истории логики.

¹⁶ Колмогоров Андрей Николаевич (1903–1987) — советский математик. Академик АН.

¹⁷ Конгресс «Кибернетику — на службу коммунизму» состоялся в Москве в 1961 г. под руководством акад. А. Берга. Он стремился к публичной реабилитации кибернетики, ранее объявленной в СССР «лженаукой». Одноименный периодический сборник издавался с 1961 по 1981 годы. Его название в несколько измененном виде стало в СССР поговоркой.

¹⁸ Здесь под «семиотическим кругом» подразумевались в очень широком смысле все, кто имел какое-либо отношение к Тартуско-Московской семиотической школе, их собеседники и ученики.

¹⁹ Летние школы по семиотическим системам проводились с 1964 г. под руководством Ю.М. Лотмана в Кяэрику, где находилась спортивная база Тартуского университета (Эстония, тогда — Эстонская ССР). Сыграли ключевую роль в формировании влиятельной Тартуско-Московской семиотической школы.

ка, и первый круг работ Иванова и других был именно здесь. Это «Знаковые управляющие системы», а само понятие управления взято из кибернетики. Я попадаю на четвертом курсе своего института в МГУ на мехмат, слушаю лекции по матлогике. Их читает Софья Александровна Яновская²⁰, которая написала учебник по матлогике, Ляпунов²¹, там же, кстати, Зиновьев²², и ряд людей, которые занимались основаниями математики. Читает лекции Тимофеев-Ресовский. Вообще позитивизм во всех его разновидностях — кибернетика, матлогика — это был такой вот идеологический порыв. Здесь проходил, так сказать, фронт борьбы за свободу мысли. Естественно, доказывали свою нужность. Вот показательно это самое: «кибернетика на службе коммунизма». Но — она, кибернетика! А не диамат с истматом. В философии параллельно это был системный подход, в качестве обобщенной методологии, и по этому поводу было несколько баталий. Тодор Павлов²³ из Болгарии писал о его идеологической неправомерности... А мы в это время оказываемся с 1964 г. во ВНИИТЭ²⁴ и начинаем заниматься дизайном в этой же самой рамке. Получается как бы «дизайн на службе коммунизма». И это всегда где-то там отмечается в передовицах. Время от времени приходилось вписывать там соответствующие ссылки на очередной пленум, но больше по привычке. Т.е. это такая метода сохранения интеллектуальных подвигов. И класс игры, который задавался, определял степень отрыва. Семиотики оторвались так, что их никто не догнал — это языки, это включение в международное сообщество.

Второе — это семинар Щедровицкого, который тогда не был еще так монополизирован. Это был семинар с большим количеством участников — примерно одного возраста и примерно одного положения в самом этом сообществе. Туда еще тогда ходил Грушин²⁵, там были Садовский, Розов²⁶ и так

²⁰ Яновская Софья Александровна (1896–1966) — советский математик, создательница школы философии математики. Возглавляла в МГУ кафедру истории математических наук в 1944–1955 годы, затем создала там же кафедру математической логики.

²¹ Ляпунов Алексей Андреевич (1911–1973) — советский математик. Один из создателей кибернетики и теории программирования. Был популярным лектором. В 1961–1973 год работал в Новосибирском Академгородке (Сибирское отделение АН СССР).

²² Зиновьев Александр Александрович (1922–2006) — советский и российский философ, писатель, публицист. Один из наиболее известных советских интеллектуалов. Его кандидатская диссертация по философии «Восхождение от абстрактного к конкретному в “Капитале” Маркса» сыграла ключевую роль в возрождении философии в СССР после Второй мировой войны. В 1978 г. под давлением покинул СССР, вернулся в 1999 г. В 1960-е годы занимался проблемами многозначной логики, в эмиграции и после нее создавал «логическую социологию».

²³ Павлов Тодор Дмитров (1890–1977) — болгарский философ, политик. Был Президентом Болгарской АН. В 1944–1946 годы — Регент Болгарии. С 1946 года — иностранный член АН СССР. Был последовательным сторонником ортодоксального «советского» марксизма, повлиял на советских философов.

²⁴ Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики. Создан в Москве в 1962 г. для развития теории и практики промышленного дизайна.

²⁵ Грушин Борис Андреевич (1929–2007) — российский философ, социолог. Занимался методологией исторических исследований. С 1960-х годов исследовал общественное мнение в СССР, автор первых учебных пособий. В 1988 г. один из основателей Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Дружил с Г.П. Щедровицким и повлиял на формирование «методологического движения».

²⁶ Розов Михаил Александрович (1930–2011) — советский и российский философ. Основатель и лидер семинара по эпистемологии и философии науки в Новосибирске (с 1963 г.). Примыкал к «методологическому движению». Создатель эпистемологической теории «социальных эстафет».

далее... А параллельно — это моя отдельная, личная история воцерковления... оформления, так сказать, моей религиозной составляющей. Это совсем другой круг. Я попадаю к отцу Александру Меню²⁷ в его библиотеку. Еще очень важная деталь в этом всем — это источники. Библиотеки. Значит, ты попадаешь к людям, у которых на полках стоят памятники философской мысли, все эти тексты. Потому что в Ленинке они уже к этому времени в спецхране, и нужны особые усилия, чтобы их получить²⁸... И поэтому, кстати добавлю, разворачивается бурная деятельность по добыванию текстов, по их распечатке или копированию, по переводам. Давид Зильберман²⁹, в частности, активно участвовал в переводе всякой буддологической, индологической литературы, делал такие любительские переводы. И мы знали, что что-то делают в Ростове-на-Дону, что-то в Киеве, и шел такой довольно интенсивный обмен источниками, информационная работа. Тогда очень существенным фактом были библиотеки и вот эти первичные копии, т.е. место, где можно с этим познакомиться, и сама эта возможность.

М.Н.: Один наш общий с вами знакомый говорил, что вы пришли к православию под непосредственным влиянием Е.Л. Шифферса.

О.Г.: Нет, это не так. Я крещен в детстве. Обрел себя после смерти и похорон бабушки, когда был на 4 курсе. На ее отпевании в храме в городе Коврове, где я родился, просто вспомнил себя, что в этом храме я бывал когда-то в детстве... Это было некое возвращение. Буквально я вдруг вспомнил... как будто открываешь глаза и обнаруживаешь: вот это мой дом. А потом уже входил постепенно, через чтение соответствующей литературы. И тут важна библиотека Меня и круг людей, в который я попадаю. И там — знакомство с Хоружим в 1965 или 1966 г. И еще с рядом других теперь известных людей. С Шифферсом я познакомился через круг социологов, через Галию Беляеву³⁰ в 1974 г. Круг Меня — это не круг, это церковь. Это смысловое, текстовое и духовное пространство, в которое ты вращаешься и включаешься недельными, месячными, годовыми кругами. В этом смысле оно самодостаточно, соответствует религиозным текстам и так далее. И вот оказывается, что есть религиозно-философская традиция начала века, дальше идешь к Св. Отцам и так далее. То, что ты называешь семинарами, вот эта, так сказать, московская кухня, беседы...

²⁷ *Мень Александр Владимирович* (1935–1990) — священник, исследователь истории церкви, популярный проповедник. Один из лидеров «религиозного поворота» позднесоветской московской интеллигенции.

²⁸ См. воспоминания В.В. Куклева о поисках доступа к библиотекам музеев Москвы в интервью в этом выпуске журнала.

²⁹ *Зильберман Давид Бениаминович* (1938–1977) советский и американский философ, индолог, социолог культуры. Родился в Одессе. В 1968–1973 гг. — аспирант Института конкретных социологических исследований в Москве, активный участник множества семинаров и дискуссий. В 1973 г. эмигрировал в США, профессор Брандайского университета (Бостон), погиб в аварии. Дружил с А. Пятигорским, Е. Шифферсом. Переводил классические индуистские и буддийские тексты с санскрита (и с английских переводов), со второй половины 1960-х они распространялись в самиздате.

³⁰ *Беляева Галина Ефимовна* — философ, социолог (г. Москва). Работала в Институте конкретных социологических исследований. Ее воспоминания см.: <https://www.fondgp.ru/old/mmk/personalia/1960/3.html>.

М.Н.: Слово «семинар» я использую как самое общее обозначение таких встреч для обсуждения проблем, текстов, работы участников и так далее.

О.Г.: Ну, у нас «семинар» — это что-то организованное и структурированное, имеющее план, а ходить к о. Александру в библиотеку, и встретить там еще пять человек, которые читают эти книги... Это второе, параллельное.

Теперь третье. Во ВНИИТЭ работает человек... — там вообще было много замечательных людей, поскольку это такая, знаешь, странная периферия — дизайн, где, с одной стороны, были люди, не нашедшие себя в социалистическом реализме, в Союзе художников и занимающиеся современным искусством, но под видом формообразования в дизайне, историки современного искусства, искусствоведы, те же Игорь Голомшток³¹, Иосиф Бакштейн³²... Но и Щедровицкий работал в лаборатории теории дизайна³³. И вот там работает Алексей Александрович Дорогов³⁴ — абсолютный знаток русской библиографии. Для меня это был праздник два раза в неделю: ты приходишь к Алексею Александровичу, задаешь какой-нибудь вопрос. «А кто этот...» — про книжку или про автора. Он говорит: «так, его учителя...» — дальше идет список — «такой-то, родился там-то, его основные произведения...» — и так все его учителя. Потом — его ученики. Опять — родился, основные произведения. Он сам, его основные произведения. Просто так — записывай, собирай... Вот такой человек. Его идеалом был Николай Федорович Федоров, он был его главным знатоком. Он действительно знал русскую библиографию до XX в. Допустим, он мог назвать «двести книг, которые должен прочесть каждый воспитанный человек». Сообщается список этих двухсот книг, что где есть, в какой библиотеке, чего нет, и так далее. И он указывает мне на ряд школ, включая наше молодое литературоведение. В частности, курс лекций Палиевского³⁵ я слышал. И он оказал на меня некое формирующее воздействие. И так вплоть до общества «Память»³⁶ и всего этого русского дела (я бы

³¹ *Голомшток Игорь Наумович* (1929–2017) — советский, затем британский историк живописи, искусствовед. Во второй половине 1960-х годов примыкал к оформлявшемуся в тот период диссидентскому движению. С 1972 г. в эмиграции в Великобритании. Сотрудничал в Русской службе Би-Би-Си. Автор книги воспоминаний «Занятие для старого городского: мемуары пессимиста» (2015).

³² *Бакштейн Иосиф Маркович* (род. 1945) — российский искусствовед, куратор. Сотрудник ряда искусствоведческих институтов.

³³ Г.П. Щедровицкий работал во ВНИИТЭ с августа 1965 по март 1969 г. руководителем группы методологии дизайна. Уволен после исключения из КПСС за подписание т.н. «письма 170-ти» в защиту политических заключенных А.И. Гинзбурга и Ю.Т. Галанскова.

³⁴ *Алексей Александрович Дорогов* (1923–2003) — Историк науки, философ, культуровед. Был известен как энциклопедист, блестящий собеседник, но избегал написания научных работ. Науч. сотр. ИИЭТ АН, затем с 1965 сотр. ВНИИТЭ, с 1972 — ЦНИПИИАСС. Исследования по истории техники, русской философии (*Дорогов 1956; Рупова 2016: 137–139*).

³⁵ *Палиевский Петр Васильевич* (1932–2019) — советский и российский историк литературы, филолог, публицист. Работал в Институт истории мировой литературы им. А.М. Горького АН. Был известен как яркий консервативный публицист. Один из идеологов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

³⁶ Общество «Память» было сформировано в 1980 г. в Москве любителями изучения отечественной истории на базе «Общества книголюбов» Министерства авиационной промышленности. Общество изначально имело консервативную («патриотическую») ориентацию. Названо в честь популярного одноименного романа В. Чивилихина. С 1982 г. имело статус «любительского объединения». Организовывало встречи с литераторами, дискуссии и т.д. Во время Перестройки радикально политизировалось. Было преобразовано в Национально-патриотический фронт «Память», заняло крайне правые позиции, его название превратилось в синоним позднесоветского антисемитизма и фашизма. К началу XXI в. утратило влияние, окончательно прекратило деятельность к 2017 г.

так назвал). Это Общество по охране памятников, где шла своя борьба за сохранение архитектуры.

М.Н.: Это то Общество «Память», которое в перестройку прославилось своим антисемитизмом?

О.Г.: Да, прославилось. Опять-таки, надо внимательно изучать историю бытования. Что касается «Памяти», надо отдавать себе отчет, что большинство сносов усадеб и церквей произошло не в 1930-х годах, а в 1960-х. Общество «Память» не случайно называлось «Памятью». Тогда же параллельно развивается деревенская проза, журналы «Наш современник», «Молодая Гвардия» и так далее.

М.Н.: Все это возникает как стихийное движение и потом самоорганизуется?

О.Г.: Да, но это последствие после войны. Как славянофильство возникло после войны 1812 года, после победы, так же победа в Великой Отечественной войне тоже оказала пока почти не опознанное влияние. Когда возникла иллюзия, что возможно некоторое освобождение после тридцатых годов — от раскулачивания, коллективизации, лагерей... Было ощущение, которое быстро пресеклось, но все-таки, поскольку после 1953 г. не убивали, так сказать, тайно на углу, и не сажали всех подряд, то нечто начало прорасти. Прорасти поколенчески. Развернулась пружина, и задумки и упования, которые таило в себе это поколение «шестидесятников», начали прорасти. Все что-то начинают, движимые какими-то интересами. И почему, оказывается, надо поступать на мехмат³⁷? Потому что там — интеллектуальные основания, скажем, программирования. А там на стенке висит объявление: какой-то системно-структурный семинар³⁸, и там какой-то Лефевр делает доклад на какую-то странную тему. Так вот по этой бумажке я и познакомился со Щедровицким.

М.Н.: Вас обычно считают представителем методологического движения.

О.Г.: Это — судьба. Как говорится, пользуйтесь более достоверными источниками. Текстов люди не читают и не шибко-то интересуются.

II

«Жизнь, голос, свидетельство»

Михаил Немцев: Предлагаю обсудить понятие «рода» и формы существования родовых связей в современном российском обществе. Мы в редакции журнала «60 параллель» при работе над темой номера «Род и родовые

³⁷ О.И. Генисаретский окончил в 1964 г. факультет электронно-вычислительных устройств и средств автоматизации Московского физико-математического института.

³⁸ Системно-структурный семинар — публичное название в 1960-е годы постоянно действующего семинара под руководством Г.П. Щедровицкого. Более известен под «внутренним» названием Московский методологический кружок.

отношения: что это значит для нас теперь?»³⁹ сделали наблюдение, которое хотелось бы с вами обсудить. В сознании жителей современной России, по-видимому, довольно часто существует разрыв на уровне двух-трех поколений в прошлое. Сильная эмоциональная связь с родителями, также с поколением их родителей, а дальше — потеря интереса и эмоциональной связи. Где-то в середине века прошлого проходит какая-то черта, и предки ниже этой черты не интересны.

Олег Генисаретский: Они не интересны стали после того, как потеряна возможность их знать. Были массовые переселения, урбанизация, оставление, по сути, родовых гнезд. И вот уже нет мест, куда, так сказать, можно возвращаться. Люди жили вместе в каких-то локальных сообществах, а потом утрачена была материальная основа для такой памяти. Просто вынуждены были уезжать.

М.Н.: А в чем состоит материальная основа памяти?

О.Г.: Родовой дом, стены, и вообще многое. Например, я 10 лет в детстве жил в 50 км. от Москвы в городе Ногинске, с 1944 по 1954 г. Это старообрядческое место, частные домовладения, заборы. И затем наступил такой своеобразный советский архитектурный гуманизм 1960-х годов. Дома снесли, а все старые большие деревья остались, и когда я еще лет десять назад, совсем недавно там бывал, то по рисунку, по графике этих стволов сохранившихся деревьев видел, как возникает какая-то память места, материализованная в виде этих живых существ — деревьев. Они как раз показывают контуры улиц.

М.Н.: Но родовая связь — это же не пространственная связь?

О.Г.: Она не пространственна, но всякая связь материализуется в каких-то знаках. В данном случае они вот такие. Это ее средовая составляющая.

М.Н.: Т.е. в XX в. в связи с этим социальными потрясениями была разрушена среда, и поэтому возник и разрыв между поколениями?

О.Г.: В значительной мере это усилило разрыв. Безусловно. Ну, скажем, в Тверской губернии из 12 тысяч деревень 11500 были целенаправленно распаханы. Дома сожжены, а остальное перепажано, в том числе перепажана дорожная сеть. Во-первых, область потеряла рекреационный ресурс. Во-вторых, разрушена память в виде вот этих веками протоптанных, накатанных путей.

Когда я в Ногинске жил, то учился во вторую смену. Родители с утра уезжали на работу в соседний городок Электросталь, а вечером, когда я из школы приходил после всех этих общественных нагрузок, они уже спали. И все жизненные циклы были устроены так, места, и времени для каких-то совместных семейных дел даже не предусматривалось.

М.Н.: А совместные семейные дела — часть инфраструктуры, о которой вы говорите?

³⁹ 60 параллель. 2010. № 2(37).

О.Г.: Точнее, просто совместное времяпрепровождение. Вроде бы совсем простая вещь, да? Вместе проводить время. А если это село или малый город, то занятия натуральным хозяйством предопределены. Куда вместе? Картошку копать или на базар.

И надо упомянуть еще один невероятно важный и непосредственно не связанный с родовыми отношениями, но тоже повлиявший на них фактор. Бабушки и дедушки, если кто их помнит — это люди, у которых вообще не было понятия и навыков свободного времени. Все непрерывно с утра и до ночи в работе. Там скотина, тут огород, там печка, надо готовить, что-то зашить...

И вот после этого приходит архитектурная идеология 60-х годов, после XXI съезда. Мол, через 20 лет мы будем полностью обеспечены всем, и поскольку будет много молока, не нужно будет иметь коров в частном хозяйстве. Поскольку будут трактора, не нужно иметь лошадей в деревне. Во Владимирской губернии просто их всех перерубили топорами.

А в городах, соответственно, кухни были редуцированы до малой площади — только разогревать еду. Потому что в 500-метровой доступности вокруг места жительства — так называемый «микрорайон» — должны были быть все услуги. Была введена трехступенчатая система: 500 метров, полтора километра и уже, так сказать, центр. И этот подход исключал включенность в домашнюю жизнь и совместное какое-то действие.

М.Н.: Следовательно, этот разрыв поколений возникает, когда население урбанизируется, оказывается вдруг в индустриальной среде.

О.Г.: Важнее то, что это сервисная среда. Город — это совокупность услуг. Потребность удовлетворяется обращением к какой-то услуге. Вне круга «своих». Ну, а дальше — школьники в школе, старшие на рабочих местах, как правило — в других районах, т. е. нужно ездить туда-сюда.

М.Н.: Т. е. произошла модернистская, индустриальная рационализация повседневного быта...

О.Г.: В чем тут рациональность, когда час на работу и час с работы? Вот откуда эта вся атомизация и анонимность городского образа жизни. Вот — разрыв.

М.Н.: Олег Игоревич, можно ли, говоря о факторах такого разрыва поколений, считать одним из них сознательный или полусознательный отказ от родовых связей со стороны, скажу это в кавычках, «простых людей»? Массовый отказ? С одной стороны, был советский поэт Павел Васильев, который писал еще в 1930-х: «мы не отречемся от своих матерей, хотя бы нас сажали на колья» т. д.; но с другой стороны, кажется мне, что 1950-е-1960-е годы — это время такой массовой потери интереса к продолжению родовой связи.

О.Г.: Но какова степень его вынужденности? Хорошо, примем такую версию. Но сколько поколений должно пройти, чтобы такой тип сознания закрепился? Платон считал, что пять. Ну, по меньшей мере два-три. Вот «настоящий» городской москвич — это москвич в третьем поколении. Хорошо.

В эти годы такая потеря была зафиксирована. И вот ситуация: скопом людей выселяют, и нужно уезжать, или они сами уезжают: сначала учиться, потом обязательное распределение на работу, потом нужно решить проблему жилья, т.е. получить общежитие. Сначала общежитие общего, потом семейного типа, и там, глядишь, годам к сорока ты получишь свою кровать — собственное жилье.

Но еще были сначала коммуналки. Вот еще этот советский феномен, да? А это было радикальное... До того люди жили семьями в домах или квартирах. А началось уплотнение и заселение, и с ними возник весь коммунальный быт. И когда целые поколения, даже не одно и не два, вырастают и живут в коммунальных квартирах, у них радикально трансформируется чувство дома. Когда вокруг столько людей, и ты с ними в такой тесной связи. Общая кухня, дети общие — сейчас десятки кинофильмов про эти времена.

Но самое главное — это свои выключатели в туалете, и свои... ээ... сиденья там же. И не дай Бог кто-то что-то взял чужое! Борьба за ванную по утрам перед работой. А потом, когда начали получать люди отдельные квартиры, старую мебель просто выбрасывали. Когда сносили старый Арбат, там люди собрали гигантские коллекции, на развалинах старого Арбата. Все эти славянские шкафы... Произошло перетряхивание, хаотизация быта. И на третьем таком поколении человек выучился в советской школе, где узнал, что «мы новая историческая общность людей»⁴⁰ и т.д. Потом дальше учиться или сразу на завод. Это и будут те, кто не застал родовые гнезда. Первое поколение родившихся уже в новой среде. Бабушка могла быть перевезена в город, она могла что-то рассказывать. Но это ведь получаются уже сказки.

М.Н.: И тогда история родовых связей восстанавливается через историю трансформации материальной среды, окружения?

О.Г.: Что-то пытаются восстанавливать. Для этого ведь существуют инструменты, в Интернете они представлены. Те, кто таким образом занимаются самопознанием, находят средства для этого.

Сохраняются разнообразные свидетельства. Был такой жанр средневековой письменности: синодик. Есть монастырские синодики, есть аристократические генеалогии, а есть, просто сохранились, несколько синодиков за семь поколений крестьянских. Ну, а как мы знаем, в развернутом варианте монастырский синодик зачитывают во время трапез. Предполагается, что существуют там жития тех, кого здесь... просто упоминают по имени. Т.е. это такая работа с памятью сообщества, со средовой памятью. Наверное, они всегда сопровождаются какими-то легендами, и т.д. и т.п.

Другой миф, очень популярный в свое время. Когда появилась фотография, то на похоронах родственники фотографировались у гроба. Когда его из дома вынесли, в храм понесли: там венки, родственники и покойник лежащий. При-

⁴⁰ Формула «советский народ — новая историческая общность», подчеркивающая постнациональность этого «народа», использовалась в СССР с конца 1950-х годов. В официальный оборот введена в документах XXIV съезда КПСС. Генисаретский представляет здесь позицию интеллектуалов, находившихся в оппозиции идее постнациональной «новой» общности, своим появлением как будто отменившей этносоциальные и этнокультурные процессы.

чем это был очень распространенный жанр. Были еще свадебные фотографии, распространенные по деревням и малым городам, и во многих семьях. Еще — письма и фотографии домашних. Кто-то хранит бумаги, кто-то не хранит.

М.Н.: Кто восстанавливает родовую историю и зачем, т. е. что может двигать человеком в этом случае?

О.Г.: Человек — существо телесное. И он, так сказать, со всем соотносится по масштабу своего тела. И это тело — живое. Оно, как и все живое, существует путем рождения.

М.Н.: Вот я родился. С родителями я связан, но что заставляет проследить...

О.Г.: Слово «заставляет» меня как-то смущает. Что значит «заставляет»? Есть естественный механизм, а «что заставляет?» — это вопрос ученого, вопрос о причинно-следственной связи и некоем механизме. Если ты будешь копать, ты придешь к каким-то воспроизводственным процессам, к непрерывности, к трансляции, к традиции. Радикально на эту тему высказался написавший свою гуманитарную генеалогию о. Павел Флоренский. Он писал о свободе рода: род свободен. И он своей судьбой занят сам. Это значит, что не только мы свободны по отношению к нему, но и он по отношению к нам. И у него есть свои задачи — у Рода. Ну и как богослов, он добавлял еще богословские задачи: задача рода — это выткать внутри себя святого, который затем в обратной перспективе времени будет молиться о спасении всех в роду. Можно отнести к этому как к чисто богословской идее, но говорящей, что род — это некая относительно самостоятельная сущность, так сказать, метафизика или какая-то глубина. И вот вопрос: как, через какие тексты это сознание транслировалось раньше в повседневной культуре? Прежде всего, через тексты, которые сейчас назвали бы этнокультурными или фольклорными. Через систему ритуалов, которая обустроивала многое в жизни. И не только фундаментальные обстоятельства родовой жизни — рождения, свадьбы и похороны. В текстах такого типа, если к ним относиться как к осмысленным, мы многое вычитываем. Сейчас, когда изучаем их. А когда их пели и пропевали, в этом просто участвовали. Точно так же, как люди, воцерковленные с детства, просто помнят и знают литургический канон, и его им не надо изучать, а те, кто не был включен в эту жизнь, начав обсуждать эту тему, вынуждены, как мы сейчас, попытаться построить какую-то рефлексивную фигуру. Впрочем, это стандартная ситуация в поведении философа, исследователя по отношению к исчезающим реальностям: в отсутствие живого опыта его восполняют реконструкцией.

М.Н.: Вот в этом как раз и вопрос: в чем состоит метафизика рода? Например, у Флоренского я не очень различаю, где он говорит как мыслитель, а где создает красивую поэтическую метафору.

О.Г.: А это качество присуще самой традиции как таковой. Вспомним Библихин⁴¹: поэтический язык метафизически сильнее философской логики-

⁴¹ Библихин Владимир Вениаминович (1938–2004) — российский философ, истории философии, переводчик с нескольких европейских языков. Создатель оригинальной философии, которую излагал в авторских лекционных курсах. Скончался 12 декабря 2004 г. См. сайт www.bibikhin.ru.

рованной речи⁴². Но у Флоренского о том же есть очень системные построения. Последние два или четыре тома «Философии культа», которые он начал, но не дописал. А вообще-то самое важное здесь — письма детям с Соловков (Флоренский 1998). Это, конечно, памятник века. Когда он уже знает, что оттуда никогда не вернется, и пишет письма своим маленьким детям — обо всем. Каждому отдельно, и в том числе — друг про друга. Целый семейный роман. Ну и, это поздний Флоренский, а вот, между прочим, письма, касающиеся его жизни, когда он был маленьким, и все обстоятельства его женитьбы, ожидания рождения сына — там фантастические вещи. В том числе его отношение к разным знакам, реакция на них.

А одно из моих самых сильных воспоминаний последних лет, и московских, и таких, философских — это панихида по Библихину. Его отпевали у Николы в Хамовниках⁴³, и пришло... ну, так — человек шестьдесят. Пришли люди, за эти 20–30 лет совместно воцерковившиеся. В чем их общий опыт? В том, что они вместе поют «со святыми упокой». Т.е. со-присутствуют, исполняя ритуальные тексты, поют, а не размышляют, не строят силлогизмов в этот момент. И это вот абсолютно не аффектированное пение, при таком солидарном молчании, длилось, пока все прошли, поцеловали, ...до омовения — минут двадцать. И когда кончили, повисла фантастическая тишина. Произошло духовное событие. Пора было уже и выносить, а люди все стояли, потому что это общее что-то здесь присутствовало в чистом виде. Вот это было событие.

М.Н.: Есть родовое сознание. Есть родовые отношения... А вот как это, собственно, словами назвать?

О.Г.: а чем тебя слово «род» не удовлетворяет?

М.Н.: Слово-то удовлетворяет, но об этом надо же еще говорить.

О.Г.: Конечно. Чьими словами говорить, да? Ну, во-первых, все такие сущности, если мы берем их не в философском смысле, а в повседневном, безотносительны к масштабу. И тогда — что подпадает под эту категорию? Независимо от масштаба. Прежде всего, семейные, поколенные отношения. Вплоть до народа. Отчасти сюда вся гендерная тематика подпадает.

М.Н.: Мне кажется, что гендерные исследования, как они сформировались, и сама категория «гендер», построены на скептическом отношении к родовым отношениям.

О.Г.: Женско-мужские отношения, по крайней мере, еще в большинстве случаев, заканчиваются деторождением, поэтому они (со смехом) все равно родовые. В этом отношении. Ну так или иначе, есть микромасштаб, а есть макромасштаб. Скажем, стиль города Вашингтона — классицистский, и стиль

⁴² Это суждение выражает один из принципов философии В.В. Библихина, однако не является точной цитатой. Здесь метафорический «поэтический язык» риторически противопоставлен философскому языку как рациональному, следовательно, избегающему метафор и образов. В последующем тексте интервью идет «накопление» метафор, которое как бы легитимировано этой мыслью. Они используются для выражения феноменологического опыта Генисаретского.

⁴³ Храм Святителя Николая в Хамовниках, г. Москва. Адрес Ул. Льва Толстого, 2.

какой-нибудь чайной ложечки тоже. Есть некий тип цельности, и для большого, для малого.

М.Н.: В большом масштабе как проявляется цельность рода?

О.Г.: Как народ и все этническое. По сущности это родовые отношения.

М.Н.: «Народ» в романтическом смысле — это родственники. Но род предполагает какое-то единство. Скажем, «семью» образует преемственность. И разрыв преемственности ее гробит.

О.Г.: Если не происходит отрыва детей от устроенного в каком-то смысле мира родителей, и отпускания их — вот это род гробит! Поскольку транслируются дурные сценарии. Таким образом жизнь побеждает смерть, добро и зло и так далее. Мы же знаем, что мы смертны, и род — прерывен, это дискретный процесс. Каждый из нас рождается и умирает, а род движется, и в этом смысле и ритуальная природа рода — не без трагизма. В горизонте ритуальности и проявляется это вот дискретное и непрерывное поведения, в том числе и семейного, устойчиво транслируются из поколения в поколение, если они не осознаются. Сценарии, игры, читайте Эрика Берна⁴⁴.

Здесь в любом случае речь идет о структуре времени. Здесь же действительно происходит это средовое опосредование, включенность в эту природную среду. Синхронизируются биоритмы, а они и есть природные ритмы. Ну, исходя из самого простого: утро, день, и так далее. Годичные месячные, дневные циклы.

М.Н.: И когда такой субъект рода оказывается в городской среде, где эти циклы на него не действуют или действуют ослабленно...

О.Г.: Они не могут не действовать, они действуют, просто немного по-другому. Вот есть известный эксперимент, когда людей полностью изолировали, и предлагали им выбрать длину суток⁴⁵. Выбирали 25 часов в среднем, но есть такие, кто выбирает 48. Т.е. из-за городского темпа произошло какое-то перепрограммирование. Когда говорят «25», то значит, одного часа не хватает. Какой-то цельности, завершенности в этом дне. Что это вдруг? Это результат такого принуждения к городскому образу жизни.

М.Н.: И значит, оно как-то влияет на семантику родовых связей, потому что нарушает эту цикличность.

О.Г.: Ну, во всяком случае, с ними что-то происходит. Как С. С. Хоружий любит выражаться, «человек тронулся». Не в смысле «крыша поехала», а в смысле, что перенастраивается что-то глубоко интимное. Эволюционисты сказали бы, что эволюционные процессы перестраиваются во благо к выжи-

⁴⁴ Эрик Берна (1910–1970) — канадский и американский психоаналитик и психолог, создатель метода транзакционного анализа. Имеется в виду, вероятно, популярная книга Э. Берна «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры».

⁴⁵ Точный источник сведений об этом эксперименте не представляется возможным установить. Вероятнее всего, речь идет о хронобиологических экспериментах французского спелеолога Мишеля Сифра. Переводы его популярных в свое время книг выходили в СССР (*Сифр 1982*).

ванию, а клиницисты сказали бы, что — нет, откуда все сердечно-сосудистые и прочие...

М.Н.: *вот эта перестройка — она ведь, получается, не обязательно губительна для родовых отношений, и они, пришедшие из доиндустриальной эпохи, могут адаптироваться?*

О.Г.: Этому вопросу есть эквивалент такой: есть ли шансы, что род человеческий выживет? *Каковы же шансы на то, что род человеческий выживет?* Вообще-то родовые отношения пришли из донеолитической и вообще из дочеловеческой эпохи. А индустриальная цивилизация на этой шкале — конечно, 200–500 лет на фоне десятков тысяч до неолита, а уж там... по крайней мере по всем доступным источникам, мы в прошлом застаем эти символические структуры уже в готовом виде. Вот то, что называется «архаикой». То, что описывают в мифопоэтической традиции, все эти вертикали, мировые деревья, вся эта структура уже в готовом виде существует.

Да и современный мегаполис — не последняя историческая инстанция. И недаром все-таки говорят о «большой деревне». Вот что такое проект клонирования в целом? Это когда нет ни отцов, ни матерей, ни братьев, ни сестер, когда все являются клонами одного прототипа. Когда родовых отношений нет, а живое есть. Тиражи. Мы не рождаемся друг от друга. Все! И весь символизм культуры со всеми этими семейственными отношениями — рухнул. Его бы не было. Вопрос: выжило ли бы такое человечество? Пока еще клоны просто так не живут. Эксперимента не было, да и не все с этим согласятся. Будет очередная уже не классовая, а *генозная* война...

Следовательно, есть ли у этничности собственно будущее в том мире, в котором мы хотели бы быть?

М.Н.: Это вопрос социального прогнозирования?

О.Г.: А этнос — не социальная реальность. Этнос — это факт природы⁴⁶. А когда мы рассматриваем социальные функции, мы говорим о социализации этого несоциального в мире социального. Но если мы смотрим на это сквозь социальную рамку, то мы будем видеть там только социальные объекты. А к тому же еще и конструирование. Поэтому социологи с этничностью как таковой вообще дела не имеют. Этничность — это феномен родового сознания, родовых отношений, она природна.

⁴⁶ В этом утверждении можно увидеть «реабилитацию естественной установки», о котором говорится в том же интервью. Видимо, по мысли Генисаретского, «этничность» в акте феноменологической интроспекции открывается как неустраимая первичная данность, как «естественное», или «природное» (см. также ниже: «речь — это живая реальность»). Он здесь противопоставит конструктивистскому представлению об «этничности» и, соответственно, этносе как «только» «социальном объекте». Далее, «природность» этноса кладет предел и применению гуманитарных технологий в управлении этничностью или в попытках ее ускоренной трансформации (тема, актуальная для общественных дискуссий 1990–2000-х годов). Такое представление об «этноте» Генисаретский, вероятно, сформировал, участвуя в культурно-консервативных течениях в Москве 1970–1980-х (важно упоминание лекций Палиевского в первом интервью).

И род — это тоже природный факт. Дальше ты как философ должен спросить: «а что значит факт природы?»⁴⁷ «Что такое» — это вопрос метафизический, про сущность. А род — не сущность.

Родовое сознание — оно особого рода. Вот, кстати, определенная двойственность у нас сохранилась до сих пор, в том числе и в переводах фундаментальных богословских вещей. «Ипостась» и «личность», да? Равно как «природа» и «сущность». Постоянное какое-то двоение. А почему высшие *роды* бытия — именно роды? Геносы? Почему все сначала делится на роды, а потом уже на виды и т. д.? Вот — важная фиксация.

М.Н.: *То есть сущностные вопросы про род невозможны? И можно ли дать определение «роду»?*

О.Г.: Эти вопросы, так сказать, сразу трансформируются. Ну вот что характерно для развитого научного миропонимания: все живое происходит от живого. Даже так можно сказать — а все одушевленное от одушевленного. А развитие, тут же надо вспомнить Мамардашвили, происходит от развитости. Поэтому если тебе надо сначала «свалиться» в мир сущностей, которые могут быть живыми и не живыми, а потом объяснять живое через то, что может быть и живым, и не живым... это задача противоречивая. Я не вижу необходимости давать тут определения. Это чисто философский вопрос о технике феноменологической дескрипции и дальнейшего идеирования⁴⁸.

М.Н.: Тогда возможна ли феноменологическая дескрипция родового?

О.Г.: Она имеет место, поскольку представители живого родового сознания и бытия дают некие свидетельства. А дальше вы это наблюдаете как факты мышления и языкового поведения, и их обрабатываете, подвергая какой-то редукции. И в этот момент что философ делает?

М.Н.: Он обращается к каким-то архаичным уровням сознания.

О.Г.: Например. Он, как минимум, ищет там другие источники ожидаемости. На земле существуют еще народы дописьменного бытия. Они живут на Амазонке, в Австралии... Теперь уже найти человека необразованного, не знающего грамоты и не изучавшего язык, практически невозможно. Но что-то успели изучить. Или такие формы, как в случае с шаманизмом. Когда выходят из этого уровня бытия и ведут себя так, как, как кажется исследователям, вели себя те, кто еще не имели этого... когда все передавалось через живую речь, в отличие от письменного языка. Голос — это живая речь. Что у нас есть в наследственности? Тело, голос.

М.Н.: Но ведь если каждый из нас является родовым существом, то «вхождение» не требуется? И тогда феноменология родового — это не антропологические путешествия.

⁴⁷ Проблематизация «факта природы» в соответствии с феноменологическим принципом преодоления «естественной установки».

⁴⁸ *Идеирование* (также идеация) в феноменологии — построение понятий посредством созерцания.

Вот что меня поражает. Нет момента путешествия, вхождения в «другое». Каждый рожденный уже готов. А род — вот уже все уже есть. Я как бы всегда причастен к тому. И как эта феноменология причастности выстраивается? Может ли род быть предметом феноменологического исследования?

О.Г.: Да, конечно. Но вот как строится предметность этого? Это самое сложное, именно этот уровень феноменологической редукции: с чем мы имеем дело? Тут надо пробовать, писать, я бы так ответил. Мы имеем дело с таким некогнитивными горизонтами, где сны, видения, слышания, ощущения, аффекты разного рода в равной мере являются материалом для описаний, как и целенаправленное, рациональное исследование... Это естественные сущности, и процессы там, во всяком случае, спонтанны. Вот нынешний повальный интерес к событийности. «Событие» стало фундаментальной философской категорией. Но событийность — тоже проявление спонтанности. Пусть там кто-то его осваивает, так же как перед этим сто лет осваивали «коммуникацию». Просто в истории философии не было такой ключевой проблемы. А тут на тебе, и без коммуникации нельзя и шагу шагнуть. Так же соответственно и с событийностью.

М.Н.: Я правильно понимаю, что вы здесь ставите методологический запрет на сущностные определения?

О.Г.: Не то чтобы запрет. Надо просто знать, к чему приводит тот или иной тип эпохе и редукции. Вот Гуссерль в философии начал с того, что законы арифметики равно обязательны и для обезьяны, и для человека (а потом оказалось — и для вычислительных машин), а как-никак, кончил «жизненными мирами». Был вызов этого проснувшегося родового сознания... Точнее, так сказать, проступившего благодаря определенным политическим механизмам. Этот вызов до сих пор остается без ответа.

М.Н.: Хронологически этот вызов — это 1920-е — 1930-е годы?

О.Г.: Да, после первой мировой войны.

М.Н.: И попытка ответа на него — спонтанная организация масс?

О.Г.: Не совсем спонтанная, там и идеологи работали. Но дело-то в том, что сам вызов этот не признан. И происходит только затыкание дыр с помощью политических запретов. А сейчас точно такой же вызов для России — проблематика терроризма, как реакция на потенциальный геноцид. Ведь что такое геноцид? — Это убийство рода.

Типологически, это вызовы из того угла, который либо стараемся не замечать, либо не проблематизировать, потому что он опасен. Тут должна быть высшая, искусно развитая гуманитарная работа. Но у нас как попугаи повторяют, что преступность национальности не имеет. А теперь уже так: терроризм национальности не имеет. А вы почитайте свидетельства о том, что происходило в лагерях, по какому признаку сразу структурировалось лагерное сообщество?

М.Н.: Очень часто у нас других-то оснований для объединения и нет.

О.Г.: Что значит «нет»? Есть мужчины и женщины, есть блондины и брюнеты...

М.Н.: И общность происхождения и... это все.

О.Г.: Есть потребность в доверии. Без первичного доверия вообще социальности не существует. Кому-то в той или иной степени надо доверяться в этом мире. И это наиболее очевидное и, как ни странно, наиболее *оспособленное*⁴⁹ основание для доверия.

Первичное доверие и является потом залогом более-менее успешной, счастливой жизни. Да, из каких-то общепрогрессистских там суждений — понятно, что судить человека надо за его деяния. Ответственность должна нести личность. Но есть статистика группировок, клановой преступности. Это социологически очевидно! Но при этом мы говорим, что такого явления нет.

М.Н.: Понятны случаи объединения по этническому признаку, но Вы-то говорите, что некоторые массовые процессы, движения являются попыткой ответа на разрушение родовых связей.

О.Г.: Это процессы катастрофического типа. Это как протуберанцы на Солнце. Вот на Солнце — буря. Мы знать об этом не знаем, нам просто плохо. И потом нам говорят: посмотрите, вот эмоциональные, физические и прочие ритмы, они синхронизированы с ритмами солнечной активности, и вот тогда-то вам будет очень плохо. Вы будете знать, отчего, и не будете предпринимать неадекватных мер. Так и тут. Есть силы — исторические или бессознательные, как угодно — некие силы, и мы — в поле сил.

М.Н.: «Сила» — это понятие? Как его можно определить?

О.Г.: Когда мы его используем, становится как бы понятно. Легко сказать «раскройте метафору» — это и есть философская работа, которая веками делается, или десятилетиями! Тщательная феноменологическая редукция предполагает вступление в контакт. То есть ты в каком-то смысле должен уже в этом быть.

М.Н.: Мы все уже рождены в этом поле сил...

О.Г.: А наблюдаемости-то, сознаваемости это не гарантирует! Ну и что же, что рождены? Вот, например, если не проделана специальная тренинговая работа, человек обычно не осознает ритмы ниже сердечного пульса. Секунда — это примерно удар сердца, тут мы еще можем, да и то обычно не больше четверти минуты. А есть столько ритмов и процессов, которые мы не осознаем, но они на нас действуют. Да, я родился. Сколько мы уже разговор разговариваем, чтобы приблизиться, выяснить, расспросить, как про это можно

⁴⁹ «Оспособление — освоение какого-то вида поведения, занятия, деятельности в качестве способности, которая понимается как постоянная (во времени) готовность порождения ее предметов, входящих в область определения способности, заданную связанной с ней установкой. Способность — это динамическая, продуктивная реализация установки... Антропологический смысл оспособления состоит в наращивании свободы деятельности и существования» (Генисаретский 1992).

думать — а уже потом говорить. И с этим материалом жизни — работать. Практиковать его.

М.Н.: Как можно практиковать родовое чувство?

О.Г.: Как можно практиковать чувства? Что нам по этому поводу говорит искусство, эстетическое воспитание? Ну, ты на верном пути, в том смысле, что ты говоришь об этом. Слова, в конце концов, можно находить. Вот семинар со студентами: давайте читать «Песнь песней». И потом — читать новозаветные тексты. В унисон, отдельно, двумя — тремя хорами, читать, чтобы голос привнести, чтобы без преткновений, без подросткового хихиканья произносить слова. И говорить, прислушиваясь. Вот ты слышишь, что ты говоришь? Человек хочет выразить одно, а говорит другое. Вот в чем и ценность коммуникации. Вот речь — это живая реальность.

М.Н.: Итак. Родовые отношения важны, и о них можно думать, и как-то с ними выстраивать отношения, в том числе при анализе социотехнических проектов, и тогда родовое выступает как норма. Без обращения к этому некоторые другие разговоры бессмысленны. Но все-таки без подробного прояснения понятия упоминание «рода» — это указание на что-то важное, но не определенное.

О.Г.: Оно первично! Без этого я бы не жил, меня бы не было, но в этом и состоит вся онтологическая проблема. А как норма оно выступает для тех, кто живет в дисциплинарном обществе.

Но это же нахальство: едва задумавшись о чем-то, сразу же претендовать на ответы! Достаточно сказать: а вот здесь вопрос о феноменологической дескрипции — ключевой. Дальше дело придет к реабилитации естественной установки⁵⁰. Первоначально вся феноменология начиналась с того, что мы эту естественную установку выносим за скобки и... дальше уже тонкости всей этой философской работы, ноэтики, эйдетики и т.д. Но, по сути, когда мы говорим о родовом отношении, мы говорим о том, что нередуцируема естественная установка. Впрочем, она и называется — «естественная», в смысле естественности, природности, и никак нельзя сказать, что она только обыденная, или повседневная. В этой естественности, а это и есть собственно родовая естественность, родовитая. Порода должна быть. Есть породистые животные, а есть беспородные, хотя и очень милые.

М.Н.: Но указав на естественную установку, вы ведь должны были бы замолчать. Потому что дальше идут вещи не обсуждаемые, не проговариваемые.

О.Г.: Почему это? Это вы должны замолчать после этого со своей редукцией! И не давить ею на нас. Нежно любимый вами конструктивизм и интуиция — это ровно про одно и то же. Просто в свое время Шеллинг выбрал слово «конструкция» для обозначения этого, хотя использовал его не где-нибудь, а в философии откровения. Поэтому интуиция — это ровно то же самое, что конструктивизм.

⁵⁰ *Естественная установка* — методологическое понятие феноменологии Э. Гуссерля, означающее «наивное» восприятие вещей «такими, какие они есть». Преодолевается применением феноменологической редукции.

М.Н.: Как тогда с этим иметь дело?

О.Г.: А как иметь дело с арифметикой, друг мой? Выучить таблицу умножения! Чтобы научиться писать, нужны алфавит и грамматика. Чтобы заниматься этим, есть символизм, герменевтика и тому подобное. Понимание, символическое выражение... Это постигаемые вещи, и с ними можно работать. И не только с помощью слов. Вы входите в то, что сохраняет телесную сопричастность. А то говорят через придыхание: «о, пространство!» «Пространство рода»... но ведь космическое — тоже пространство! Оно мертвое. И там по инерции летит булыжник, как Достоевский писал. «Пространство сознания» — как только ты сказал это (если только не буддист, у них иначе), появляется то, что Подорога⁵¹ в одной замечательной работе с опорой на Андрея Платонова назвал «мертвый брат». Такой внутренний наблюдатель. Самосознание внутри меня. Но почему, собственно, он мертвый, а не живой?

М.Н.: Так это и есть то, что философствует и методологизирует в нас.

О.Г.: Так и появляется мертворожденная, убивающая и мертвящая философия. Вся традиция, включая религиозную, говорит о том, что энергии — это живые существа. С ними общаются, как с живыми существами, они откликаются — на живую речь. Тут нужен нюх, различающий живое и мертвое. Один мой товарищ говорил: онтологии бывают витальные и летальные. Летальные имеют дело с мертвой природой, с состоянием до жизни. И это различение надо сохранять! А то мертвечинкой отдаст. В академическо-кафедральной традиции отстроена такая петля обратной связи, под названием «история метафизики». Познание редуцировалось к исследованию.

М.Н.: И аналитика родового в общем, подрывает традицию европейской метафизики, да?

О.Г.: Она неоднородна. Потом, метафизика за вычетом Богословия не столь уж долго существует. Но она не подрывает, она говорит: «Мы из другого ряда». И что порождает эта метафизика? Упрямство в не-обращении к живой традиции, в основе которой передача из уст в уста. Как учил индолог Семенцов⁵², традиция — это трансляция субъективности. Непосредственно от живого тела к живому телу.

М.Н.: Возможен ли субъект рода?

О.Г.: Я сам на себя такой запрет налагаю: воздерживаться от разговоров о том, как субстанция и ипостась манифестируется в субъект. Тем более что

⁵¹ Подорога Валерий Александрович (1946–2020) — российский философ, известен более всего оригинальным исследовательским подходом, названным им «аналитической антропологией». Заведовал сектором аналитической антропологии в Институте философии АН. Работы по политической философии.

⁵² Семенцов Всеволод Сергеевич (1941–1986) — советский индолог, переводчик, санскритолог. Известен исследованиями и интерпретацией «Бхагават-гиты». Один и наиболее авторитетных советских востоковедов своего поколения. Его теория традиции как трансляции субъективности изложена в известной статье «Проблема трансляции культуры на примере судьбы Бхагават-гиты» (1985).

у Гегеля все уже манифестировано в «Феноменологии духа»: принцип тождества субъекта и субстанции.

М.Н.: И следовательно, род сам является субъектом самотворчества.

О.Г.: Да, имеет свою судьбу.

М.Н.: Ну, а можно ли от лица рода можно сказать: ну, я как представитель определенного рода, имею свою позицию...?

О.Г.: Да, да, я вот говорю: «я как русский». Представитель народа. Николай Прянишников⁵³ начинает выступления с того, что он из ярославского купеческого рода. Почему бы и нет?

М.Н.: Последний вопрос. Олег Игоревич: как соотносятся сознание своей принадлежности к роду и «традиционализм»?

О.Г.: Мы имеем дело все с той же структурой времени сознания, где пресловутые вертикали, горизонталы иногда сходятся. Прослеживается и схематизм мирового древа, и декартова система координат. Почему архэ [первоначало] в начале? Потому что в обратной перспективе⁵⁴ это цель. Ну, как типология причин у Аристотеля: начальная, конечная, формальная, материальная. Это уже декартова система координат.

М.Н.: Меня от темы рода как-то отвращает то, что она отсылает к традиции, к зависимости от прошлого...

О.Г.: Разве эвклидова геометрия тебя возвращает в прошлое, хотя она — традиция в чистейшем виде?

М.Н.: Эвклидова геометрия не требует эмоциональной вовлеченности.

О.Г.: Ну конечно, потому что это интеллектуальная структура. Традиционализм — это тоже изощреннейшие интеллектуальные структуры. И аналитика родового имеет к прошлому такое же отношение, как эвклидова геометрия. Очень рациональная вещь, в смысле — разумная... Поэтому «назад к вещам»⁵⁵! И когда я говорю о реабилитации «естественной установки», это ведь рефлексивная реабилитация. Внешнее наблюдение не может ничего объяснить. Нужно получить текст изнутри, сравнить его с другими, докапываясь до того, что является носителем этой традиции. Затем, есть практики, с ними можно знакомиться. Доверительное вступление в контакт. И начать выслушивать, смотреть, вместе пить, и т. д. Искать, что и кто могут свидетельствовать.

⁵³ Прянишников Николай Евгеньевич (род. 1947) — российский архитектор, менеджер гуманитарных проектов, преподаватель. В начале XXI века участвовал во многих проектах по развитию местных сообществ. Живет в Москве.

⁵⁴ Явная отсылка к работе П.А. Флоренского «Обратная перспектива», на нее же намекает пример с эвклидовой геометрией ниже.

⁵⁵ Подразумевается известный призыв создателя феноменологии Эдмунда Гуссерля «Назад к самим вещам!» (Zurück zu den Sachen selbst!).

Литература

- Анналы ММК. К 70-летию О.И. Генисаретского* / отв. ред. А.А. Пископсель, В.Р. Роки-
тянский, Л.П. Щедровицкий. М.: «Наследие ММК», 2012.
- Генисаретский О. И.* Времясознание средового поведения как проблема экологической
эстетики // Теоретические проблемы дизайна: Методологические аспекты социоло-
гических и историко-культурных исследований / под ред. В.Р. Аронова, С.О. Хан-
Магомедова. М.: ВНИИТЭ, 1979. [Электронный ресурс]. [https://archipelag.ru/
authors/genisaretsky/?library=2683](https://archipelag.ru/authors/genisaretsky/?library=2683).
- Генисаретский О. И.* Искусство Методики. Кентавр. 1992. № 3. Прим. 1 [Электронный
ресурс]. Центр гуманитарных технологий. 10.08.2006. [https://gtmarket.ru/library/
articles/2693](https://gtmarket.ru/library/articles/2693).
- Генисаретский О. И.* Культурно-антропологическая перспектива // Иное. Хрестоматия
нового русского самосознания М.: 1995. [Электронный ресурс]. [http://old.russ.ru/
antolog/inoe/genis.htm](http://old.russ.ru/antolog/inoe/genis.htm).
- Генисаретский О. И.* Этничность в зазоре между этнополитикой и этнокультурой
// Этнокультурная капитализация: проблемы, практики, инструменты / под ред.
А.В. Журавского, О.И. Генисаретского, В.В. Кузнецова. М.: АКФЭСТ, 2008. [Элек-
тронный ресурс]. [http://www.intelros.ru/subject/figures/oleg-genisaretsky/4416-oleg-
igorevich-genisaretskij-yetnichnost-v-zazore-mezhdu-yetnopolitikoj-i-yetnokulturoj.
html](http://www.intelros.ru/subject/figures/oleg-genisaretsky/4416-oleg-igorevich-genisaretskij-yetnichnost-v-zazore-mezhdu-yetnopolitikoj-i-yetnokulturoj.html).
- Генисаретский О. И.* Между выживанием и развитием: возрастные состояния, мотива-
ции и аффекты в структуре поколенческих практик [Доклад на «Российском форме
поколений», Красноярск, 2003] // Человек.РУ. 2009. № 5. [Электронный ресурс].
<https://archipelag.ru/authors/genisaretsky/?library=2816>. Прим. 7.
- Генисаретский О. И.* Философия проектности: из истории проектной культуры второй
половины XX века. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2015.
- Генисаретский О. И., Зильберман Д. Б.* О возможности философии. Переписка 1972–
1974 гг. М.: Путь, 2001.
- Дорогов А. А.* Учение о машинах в русской научно-технической литературе периода
мануфактурной техники // Труды Института истории естествознания и техники.
М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. С. 100–155.
- Лавлинский С. Г.* Культура в теоретико-методологической концепции Г.П. Щедровицко-
го и О.И. Генисаретского // Вестник Московского государственного университета
культуры и искусств. 2008. № 6. С. 34–38.
- Митрохин Н.* Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранаука
в СССР в 1953–1985 годах // Новое литературное обозрение. 2020. № 3. [Электрон-
ный ресурс]. [https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_
nlo_3_2020/article/22225](https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22225).
- Немцев М., Генисаретский О.* «Каждый уже рожден». Родовое: жизнь, голос, свиде-
тельство // 60 параллель. 2010. № 1 (37). С. 16–26.

- Рупова Р. М.* Дорогов Алексей Александрович // *Философы современной России. Энциклопедический словарь. Издание 4-е, исправленное и дополненное.* М., 2016. С. 137–139.
- Симпозиум по структурному изучению знаковых систем.* Тезисы докладов. М.: Издательство АН СССР, 1962.
- Сифр М.* В безднах Земли. М.: Прогресс, 1982.
- Фаликов Б.* Миф Шифферса // *Театр.* 2018. № 3. [Электронный ресурс]. <https://oteatre.info/mif-shiffersa>.
- Флоренский П. А.* Соч.: в 4 т. Т 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М.: Мысль, 1998.
- Флоренский П. В.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000.
- Шифферс Е. Л.* Религиозно-философские произведения. М.: Русский институт, 2005.
- Шифферс Е. Л.* Преодоление Гутенберга: семейный альбом. М.: б/м, 2011.
- Экология культуры.* Теоретические и проектные проблемы. Сб. науч. тр. Вып. 1. М.: НИИ культуры, 1992.
- Smolkin V.* A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism. Princeton: Princeton University Press, 2018.

Interview

Nemtsev, M. Philosophical anthropology and Kinship as a Tradition. Two Interviews of Oleg I. Genisaretsky. *Anthropologies*, 2023, No 1, pp. 92-121, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/92-121>

Nemtsev Mikhail Yurievich | Senior Researcher, Tyumen State University | nemtsev.m@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0001-7854-7450>

Key words: «Methodological movement», Philosophy in the USSR, phenomenology of kinship, Soviet Philosophy, nation (narod), tradition

Abstract

This publication joins two interviews with the Soviet and Russian philosopher and culture researcher Oleg Igorevich Genisaretsky (1942–2022) to open a perspective to analyze emergence of his philosophical position due to unique aspects of his intellectual biography. In the first interview, Genisaretsky suggests to consider the «everydayness» (*bytovanie*) of philosophy in late Soviet society as a special phenomenon out of the frame of the opposition between the «official» and «unofficial». In the second part, his own explanation of the premises of his philosophical traditionalism is especially remarkable. The second interview is devoted to the philosophical anthropology of Genisaretsky. The second interview is devoted to the philosophical anthropology of Genisaretsky, created in opposition to the ideologically

approved disregard for everyday human life in Soviet industrial society. This philosophical anthropology was created under the influence of Christian anthropology, especially of Pavel Florensky's writings. Genisaretsky justifies the use of the phenomenological method for observation and reflection of the «kinship», understood as a category of self-consciousness, with a further transition to self-consciousness as a subject of tradition.

References

- Dorogov, A.A. 1956. Uchenie o mashinah v russkoj nauchno-tekhnicheskoj literature perioda manufakturnoj tekhniki [The doctrine of machines in the Russian scientific and technical literature of the period of manufacturing technology]. *Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 8. M.: AN SSSR: 100–155.
- Ekologiya kul'tury [Ecology of culture]. 1992. *Teoreticheskie i proektnye problemy*, 1. M.: NII kul'tury.
- Falikov, B. 2018. Mif Shiffersa [The Schiffers Myth]. *Teatr*, 3. URL: <https://oteatre.info/mif-shiffersa/>
- Florenskii, P.A. 1998. Essays in 4 volumes. Pis'ma s Dal'nego Vostoka i Solovkov [Letters from the Far East and Solovki], 4. Eds. abbot Andronik (A.S. Trubachev), Florenskii P. V., Trubacheva M. S. M.: Mysl'.
- Florenskii, P.V. 2000. *Stat'i i issledovaniia po istorii i filosofii iskusstva i arheologii* [Articles and research on the history and philosophy of art and archaeology]. M.: Mysl',
- Genisaretskii, O.I. 1979. Vremiasoznanie sredovogo povedeniya kak problema ekologicheskoi estetiki [Time awareness of environmental behavior as a problem of ecological aesthetics]. *Teoreticheskie problemy dizaina: Metodologicheskie aspekty sociologicheskikh i istoriko-kul'turnykh issledovaniy*, eds. V.R. Aronova, S.O. Han-Magomedova. M.: VNIITE. URL: <https://archipelag.ru/authors/genisaretsky/?library=2683>.
- Genisaretskii, O.I. 1992. Iskusstvo Metodiki [The Art of Methodology]. *Kentavr*. 3. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2693>
- Genisaretskii, O.I. 1995. Kul'turno-antropologicheskaja perspektiva [Cultural and anthropological perspective]. *Inoe. Hrestomatiya novogo russkogo samosoznaniya*. M. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/genis.htm>
- Genisaretskii, O.I. 2008. Etnichnost' v zazore mezhdru etnopolitiko i etnokul'turoi [Ethnicity in the gap between ethnopolitics and ethnoculture]. *Etnokul'turnaya kapitalizaciya: problemy, praktiki, instrumenty*, eds. A.V. Zhuravskii, O.I. Genisaretskii, V.V. Kuznetsov. M.: AKFEST. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/oleg-genisaretskiy/4416-oleg-igorevich-genisaretskij-yetnichnost-v-zazore-mezhdru-yetnopolitiko-i-yetnokulturoj.html>.
- Genisaretskii, O.I. 2009. Mezhdru vyzhivaniem i razvitiem: vozrastnye sostoyaniia, motivacii i affekty v strukture pokolencheskikh praktik [Between survival and development: age-related conditions, motivations and affects in the structure of generational practices]. Report on the «Russian Form of Generations», Krasnoyarsk, 2003. *Chelovek.RU*, 5. URL: <https://archipelag.ru/authors/genisaretsky/?library=2816>.

- Genisaretskii, O.I. 2015. *Filosofia proektnosti: iz istorii proektnoi kul'tury vtoroj poloviny XX veka* [The Philosophy of Projectness: from the History of Project Culture of the second Half of the XX Century]. M.: URSS: LENAND.
- Genisaretskii, O.I., Zil'berman, D.B. 2001. *O vozmozhnosti filosofii. Perepiska 1972–1974 gg.* [About the possibility of philosophy. Correspondence 1972–1974]. M.: Put'.
- Lavlinskii, S.G. 2008. Kul'tura v teoretiko-metodologicheskoi koncepcii G.P. Shchedrovickogo i O.I. Genisaretskogo [Culture in the theoretical and methodological concept of G.P. Shchedrovitskii and O.I. Genisaretskii]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* № 6. S. 34–38.
- Mitrokhin, N. 2020. Sovetskaia intelligenciia v poiskah chuda: religioznost' i paranauka v SSSR v 1953–1985 godah [Soviet Intelligentsia in Search of a Miracle: Religiosity and Parascience in the USSR in 1953–1985]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22225.
- Nemcev, M., Genisaretskii, O. 2010. «Kazhdyj uzhe rozhden». Rodovoe: zhizn', golos, svidetel'stvo [«Everyone is already born». Generic: life, voice, testimony]. *60 parallel'*, 1, 37: 16–26.
- Piskoppel', A.A., Rokityanskii, V.R., Shchedrovickii, L.P. (eds.). 2012. *Annaly MMK. K 70-letiiu O.I. Genisaretskogo* [Annals of MMK. To the 70th anniversary of O.I. Genisaretsky]. M.: Nasledie MMK.
- Rupova, R.M. 2016. *Dorogov Aleksej Aleksandrovich. Filosofiy sovremennoi Rossii. Enciklopedicheskij slovar'* [Alexey Alexandrovich Dorogov. Philosophers of modern Russia. Encyclopedic dictionary]. 4th edition, revised and expanded. M.: 137–139.
- Shiffers, E.L. 2005. *Religiozno-filosofskie proizvedeniia* [Religious and philosophical works]. M.: Russkij institute.
- Shiffers, E.L. 2011. *Preodolenie Gutenberga: semejnyj al'bom* [Overcoming Gutenberg: A Family album]. M.
- Simpozium po strukturnomu izucheniiu znakovykh system Tezisy dokladov* [Symposium on the Structural Study of Sign Systems. Abstracts of reports]. 1962. M.: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Siffre M. *V bezdnah Zemli*, 1982. [Dans les abîmes de la terre]. M.: Progress.
- Smolkin, V. 2018. *A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism*. Princeton: Princeton University Press.

